

Паломник

В монастырской гостинице –
ни телевизора, ни интернета.
Из пропащего света ты здесь не откроешь ни файла.
За окошком –
простыли уголья истлевшего лета.
С тем, кто верит, святые со стен говорят без вайфая.

А захочешь курить –
облачись и ступай за ограду.
Но и там не уйдёшь от пригляда отца Серафима.
Дальше –
меркнувший лес, как натура для мрачного фильма.
Дальше сплошь буераки, овраги.
Но дальше не надо.
Там уже обживается тьма.
За намоленным кругом
ты, ослепший, один на один с первобытным испугом.

Там как будто бы крылья хлопочут и тени лепечут.
Иномирные силы хрустят омертвелой листвою,
не из тех, что в протопленных избах вздыхают за печью,
а такие, что крови взыскуют - досыта и вволю.
Всякий куст в темноте страховидные образы примет.
Но мой слабый фонарик уводит меня за периметр.

Я иду –
повинуясь чему-то, что больше и выше,
сам себя убеждая, что попросту тешусь игрою
в стороне, где погибли лишь трусы, свихнувшие выи,
потому что обходят её храбрецы и герои.
Это вроде душевной болезни –
стремленье наружу,
из облатки добра и тепла – в неизвестность и стужу.

По дороге осенней, седой осеняем луною,
на которой, как прежде, отчётливы Авель и Каин,
ковыляю.

Пустынная чаша сомкнулась за мною.

Но Учитель в пустыню и сам уходил –
ради прений с лукавым.

Мне привычны пути в темноте, посреди бурелома.

Страшно лишь, что во храме я гость, а во мраке я дома.

Здесь пора над собой усмехнуться – да полно, да ладно.

Поблудила овца – и к родимому стаду обратно.

Под покровы добра и покоя, где пенье и ладан.

Помолюсь как умею

и свечку поставлю – за брата.

Водопады (Исландские файлы)

Я видел нашу Землю молодой,
не оскверненной, пылкой и наивной,
не попранною ни одной ордой –
в Исландии,
Атлантикой хранимой,
бескрайней и студёною водой.

Там нету толп.

Отели пустоваты.

Лишь стайками туристы-азиаты
на улочках пасутся иногда.

Но вот экскурсовод им чудо явит –
и снова отойдёт ко сну Рейкьявик.

Вся жизнь –

в долинах, средь огня и льда

Люпинами заросшие поля

лиловы – и за ними, как пила,

нагроможденья зубьев из базальта.

А дальше –

ледниковая гряда,

где ночь не наступает никогда,

и не имеет смысла слово «завтра».

Под лавой пузырится кипяток,
но водопады с гор несут поток,
от горних льдов – на жаркий пламень ада.
И тотчас остывает в недрах пыл,

Так, умеряя боль, я тоже пил
целительную влагу водопада.

За тридевять земель,
в родном краю,
всё чудится его бессонный гомон,
как будто вновь в урочище стою,
где я поверил в эльфов, троллей, гномов.
И дело не в обилии красот,
но в странном чувстве рубежа, порога –
как бы со света этого на тот
мне дали заглянуть ещё до срока.

Туда, где твердь последнюю кроша,
Господь помедлил,
расслабляясь праздно,
уже не горячась и не спеша.

Где остывает жаркая душа
ото всего, что было зря, напрасно.

Где дни – как жемчуг.
Облака громадны.
И пусть во снах грохочут водопады.

Прохладный ветер – просто для игры –
гранит в лагунах льды, как диаманты.
И грани голубые их остры.

Я больше не взыскую в мире правды.
Теперь мне чистота нужна одна,
являющую глубину – до дна.
Их рокот для меня – как тишина.

Тамара

Там не было Арагвы и Куры,
ни башни, что наверху скалы
над полем сладких лоз
как страж стояла.
Но там – внизу – светился гастроном,
лозы агент во времени ином,
которому и этого не мало.
И там однажды демон пролетел,
где лишь многоэтажки да метель,
где высоко зажгла окно Тамара.

Он только на балконе покурил –
Тамаре мнился мрак и посвист крыл
и ужас перед прорвою пространства,
которое – случайно и напрасно –
он лишь на миг перед нею приоткрыл.
Как прежде, без руля и без ветрил,
планеты плыли. И была огромна
над улицей и гвалтом гастронома
вселенной ночь, в которой свет парил,

В ней звезды, точно капельки тумана,
теснились, оседая на стекле,
Но жизнь проистекала на земле,
где чашки остывали на столе.
И отвернулась от окон Тамара.

Спокойна и мудра не по летам,
жила она размеренно и строго,
уютно, как за пазухой у Бога.
Но демон больше к ней не прилетал.

Только любовь

Слава ли, злато ли, почести ли – улов,
коим кичиться станешь ты на пирах?
Всё, что нам нужно –
это только любовь.

Прочее –
марево, разума сон, прах.

Мальчик, танцую с девочкой под битлов,
не понимал, насколько он глуп и слеп,
искренне думал,
что только любовь, любовь...

Но поумнел,
забыв об этом на уйму лет.

Он произнес много прекрасных слов,
ловко связав их в мелкую жизни сеть.
Но, отыскав прореху, ушла любовь,
только любовь, оставляя прах.

Теперь он сед.
Шляясь по улочкам, между церковных глав
в золоте –
и новоделов под ар-нуво,
дедушка странный бормочет:
All you need is love.
Бабушки смотрят сочувственно на него.

Сад радостей земных

Знал райские деньки, но и платил за них
в аду, где черт меня поныне поминает.

Сад радостей земных
и горестей земных –
один и тот же сад, для тех, кто понимает.

Там вовсе нет чужих,
но живы все свои,
и доля их полна и счастья и несчастья.
Там обитает Змей и свищут соловьи
и горечью плоды познания сочатся.

Там нечего терять, где все –
восставший прах,
и станут им опять, греховны или святы,
где нагишом кружат любовники в полях,
не ведая стыда и не страшась расплаты.
Где мак и коноплю вовек не прополоть,
где правы лишь певцы –
и бред несут авгуры.

Вставая в хоровод, и я был страсть и плоть,
а дух на эти дни, должно быть, брал отгулы.

Да будут сплетены не вечные тела,
бледны, как облака - и желтые и афро.
Да будет им весна, душиста и тепла,
да будет рок-н-ролл –
на то кимвал и арфа.

Не размыкайте круг.
Пусть в кайф, влопад и в масть
ложится каждый миг любви быстротекущей.

Запомните её, она запомнит вас.
как собственных детей в траве.

И как, смеясь,
смотрел на вас, лукав,
Создатель из-за кущей.

Не сейчас

С детства не наставили на путь –
к старости и то не вышло толка.

Может быть, потом, когда-нибудь,
когда стану музыкой – и только.

Ляжет на уста мои печать.
И к моменту нашей новой встречи
выучусь капелью отвечать,
или плеском рек, забыв о речи.

Или стану я морским китом,
шумно выпускающим фонтаны,
в чем и способ пения кита. Но
не сейчас. Когда-нибудь. Потом.

Может, обучусь в листве свистеть,
с трелями справляясь не простыми,
или погремушкой на хвосте
возмущать безмолвие пустыни.

Каждый звук для внемлющего – знак.
Залп грозы ли, или зрелый злак
малое зерно уронит наземь,
всё поёт – и каждый не напрасен,
так что стоит жить не суетясь,
слушая, как дождь шуршит по крышам,
ведая, что будешь сам услышан –
просто не сегодня. Не сейчас.

Голуби

Уничтожьте все,
для чего нужно лгать, убивать, красть,
и рваните в грядущее, радостны и ретивы.

Я такой же сторонник реформ, как Экклезиаст.
И настолько же верю в благие перспективы.

Мне и здесь хорошо.
Люблю этот миг – и мир,
отражаемый им, как свет жемчужной сережкой.
Этот вкрадчивый снег, медленный, осторожный,
и любой из дней Господних мне равно мил.

Старики не ставят на завтрашнее зеро,
если есть сегодня – у тех, кому повезло.
Завтра будет крутить рулетку всё то же зло.

Так полюбим теперь же
что не проиграть, не выиграть,
что вне предвкушений, зыбких надежд и выгод –
землю, женщин, детей, деревья, траву, зверьё.

Дрогнут нищие голуби, жмутся к стеклу окошек.
Я приладил кормушку и насыпаю крошек.
Хоть они и засранцы, но выжить хотят сейчас.
Это про голубей. А может быть, и про нас.

Мы бы тоже хотели на крыльях лететь от бедствий.
Только некуда –
небо нынче на всех одно.
Прежде можно было себя обозначить бегством.
А теперь отвернись – и молча смотри в окно.
Говори с голубями.
Кругами их носят ветры
над помойками отчих лабазов и кабаков.
Им не нужно ни будущего, ни мечты, ни веры.
Но – снизойди к ним.
Может, и сам таков.